

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2410-7395-2024-4-74-93>

ЕАЭС И ИРАН: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕШНЕТОРГОВОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

А. С. Козырев

Институт стран Азии и Африки Московского государственного
университета имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия
Торговое представительство Российской Федерации
в Исламской Республике Иран

В статье проводится всесторонний анализ состояния и динамики внешнеторгового сотрудничества между Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС) и Ираном в период с 2003 по 2022 г. Исследование основывается на статистических данных таможенных органов стран-участниц. Анализируется эволюция структуры многосторонней торговли и влияние различных факторов на развитие торгово-экономических отношений. Показано, что, несмотря на рост торгового оборота, структура торговли отличается низкой диверсификацией, а доминирующую роль в торговле играет продукция агропромышленного комплекса. Особое внимание уделяется таким аспектам, как протекционистская политика Ирана и международные экономические санкции, наложенные на Иран и Россию, а также их воздействию на торговлю. Демонстрируется, что причиной слабого развития торговли является защита со стороны Ирана внутреннего рынка, которая не только не позволяет экспортерам из ЕАЭС представить свою продукцию на рынке Ирана, но и снижает международную конкурентоспособность иранской промышленности, долгое время существующей в неконкурентных условиях. Рассматривается влияние Временного соглашения, направленного на создание зоны свободной торговли между ЕАЭС и Ираном, на внешнеторговое сотрудничество сторон. Выявляются наиболее перспективные товарные ниши в свете заключения Соглашения о свободной торговле между Ираном и ЕАЭС. Показано, что наиболее эффективным средством развития торговли является дальнейшее развитие усилий по снятию торговых барьеров посредством интеграции Ирана в зону свободной торговли ЕАЭС.

Ключевые слова: торгово-экономические отношения, экономические санкции, интеграция, зона свободной торговли.

EAEU AND IRAN: CURRENT STATE, PROBLEMS AND PROSPECTS OF FOREIGN TRADE COOPERATION

Alexey S. Kozyrev

Institute of Asian and African Studies of Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia
Trade Representation of the Russian Federation
in the Islamic Republic of Iran

The article provides a comprehensive analysis of the state and dynamics of foreign trade cooperation between the Eurasian Economic Union (EAEU) and Iran from 2003 to 2022.

The research is based on statistical data from the customs authorities of the member countries, analyzing the evolution of the structure of multilateral trade and assessing the impact of various factors on the development of trade and economic relations. The article demonstrates that despite the growth in trade turnover, the trade structure is characterized by very low diversification, with the agro-industrial complex products playing a dominant role. Special attention is given to aspects such as Iran's protectionist policies and the international economic sanctions imposed on Iran and Russia, and their impact on trade. It is shown that the weak development of trade is due to Iran's protection of its domestic market, which not only prevents EAEU exporters from presenting their products in the Iranian market but also reduces the international competitiveness of Iranian industry, which has long existed in non-competitive conditions. The article also examines the impact of the Interim Agreement aimed at creating a free trade zone between the EAEU and Iran on the foreign trade cooperation of the parties. The prospects for further cooperation are analyzed, and the most promising product niches are identified in light of the conclusion of the Free Trade Agreement between Iran and the EAEU. The article shows that the most effective means of developing trade is the further development of efforts to remove trade barriers through the integration of Iran into the EAEU free trade zone.

Keywords: trade and economic relations, economic sanctions, integration, free trade zone.

Введение

В условиях глобализации и усиления экономической взаимозависимости стран внешнеторговое сотрудничество приобретает все более значимую роль в обеспечении устойчивого экономического роста и развития. Евразийский экономический союз (ЕАЭС), включающий в себя Россию, Беларусь, Казахстан, Армению и Киргизию, представляет собой интеграционное объединение, целью которого является создание единого экономического пространства и повышение конкурентоспособности стран-участниц на мировой арене. В последние годы особое внимание уделяется развитию торгово-экономических связей ЕАЭС с внешними партнерами, среди которых особое место занимает Исламская Республика Иран.

Обладая значительными природными ресурсами и стратегическим географическим положением, Иран представляет собой перспективного партнера для стран ЕАЭС. Взаимный интерес к развитию торгово-экономических отношений обусловлен как стремлением Ирана к диверсификации своих внешнеэкономических связей, так и желанием стран ЕАЭС укрепить свои позиции на ближневосточном рынке. В этом контексте создание зоны свободной торговли (ЗСТ) между ЕАЭС и Ираном рассматривается как ключевой инструмент для углубления двустороннего сотрудничества и стимулирования экономического роста.

На протяжении последних лет Иран и ЕАЭС значительно расширили экономическое и торговое сотрудничество. Одним из важных этапов на этом пути стало подписание 17 мая 2018 г. Временного соглашения, ведущего к образованию зоны свободной торговли между Евразийским экономическим союзом и его государствами – членами, с одной сто-

роны, и Исламской Республикой Иран, с другой стороны¹. Данное соглашение, направленное на устранение тарифных и нетарифных барьеров в торговле товарами агропромышленного комплекса, стало эффективным инструментом развития внешнеторгового сотрудничества [1; 14].

На сегодняшний день стороны находятся на пороге перехода на следующую ступень сотрудничества и работают над созданием полноценной зоны свободной торговли. Соглашение о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Исламской Республикой Иран, с другой стороны, было подписано 25 декабря 2023 г. и в ближайшее время ожидает ратификации и вступления в силу².

В работе рассматриваются основные предпосылки и мотивы сторон для заключения соглашения о ЗСТ, анализируются текущие торгово-экономические отношения, выявляются торговые барьеры и основные перспективные направления внешнеторгового сотрудничества.

Результаты и их обсуждение

На протяжении последних двадцати лет оборот торговли между ЕАЭС и Ираном обладал высокой волатильностью, переживал периоды резкого роста и стремительного сокращения³. Пиковых значений номинальный объем торговли между ЕАЭС и Ираном достигал в 2008 г. – 2,2 млрд долларов, в 2012 г. – 2,78 млрд долларов и 2016 г. – 2,4 млрд долларов. При этом в 2022 г. объем торговли превысил 3,06 млрд долларов. Однако за каждым пиком следовал период глубокого падения стоимостного объема торговли: наиболее низкие показатели отмечались в 2006 г. – 0,83 млрд долларов, 2010 г. – 1,22 млрд долларов и 2015 г. – 1,16 млрд долларов. Тем не менее, как видно на рис. 1, общий тренд остается восходящим; наблюдается непрерывный рост оборота торговли между ЕАЭС и Ираном с 2017 по 2022 г.

Доля иранского экспорта, приходящаяся на страны ЕАЭС, оставалась на протяжении 2003–2018 г. низкой и не превышала 1%, а в номинальном выражении экспорт товаров из Ирана в страны ЕАЭС оставался на уровне ниже 0,4 млрд долларов. С 2019 г. экспорт товаров из Ирана в ЕАЭС резко возрос и превысил порог 1,5%, а в 2020 г. даже 2% от всего иранского экспорта. При этом период роста иранского экспорта совпадает с периодом действия Временного соглашения, ведущего к образованию зоны свободной торговли между ЕАЭС и Ираном.

¹ URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/250/EAEU_Iran_rus.pdf (дата обращения: 20.08.2024).

² Там же.

³ URL: <http://www.trademap.org/> (дата обращения: 19.04.2024).

Экспорт товаров из стран ЕАЭС в Иран характеризуется гораздо более высокой волатильностью, чем иранский экспорт в ЕАЭС. На протяжении рассматриваемого периода экспорт товаров из ЕАЭС в Иран несколько раз достигал пиковых значений: в 2003 г. доля Ирана в экспорте ЕАЭС составляла 5,5%, к 2006 г. упала до 0,7%, к 2008 г. она достигла следующего пика – 2,8%, сократившись к 2010 г. до 1,2%. Новый пик был достигнут в 2012 г., тогда доля Ирана в экспорте из ЕАЭС достигла 3,8%, но снова сократилась к 2015 до 1,8%. С 2017 г. волатильность доли Ирана в экспорте из ЕАЭС сокращается, а значения этого показателя стабилизируются на уровне 3,0%.

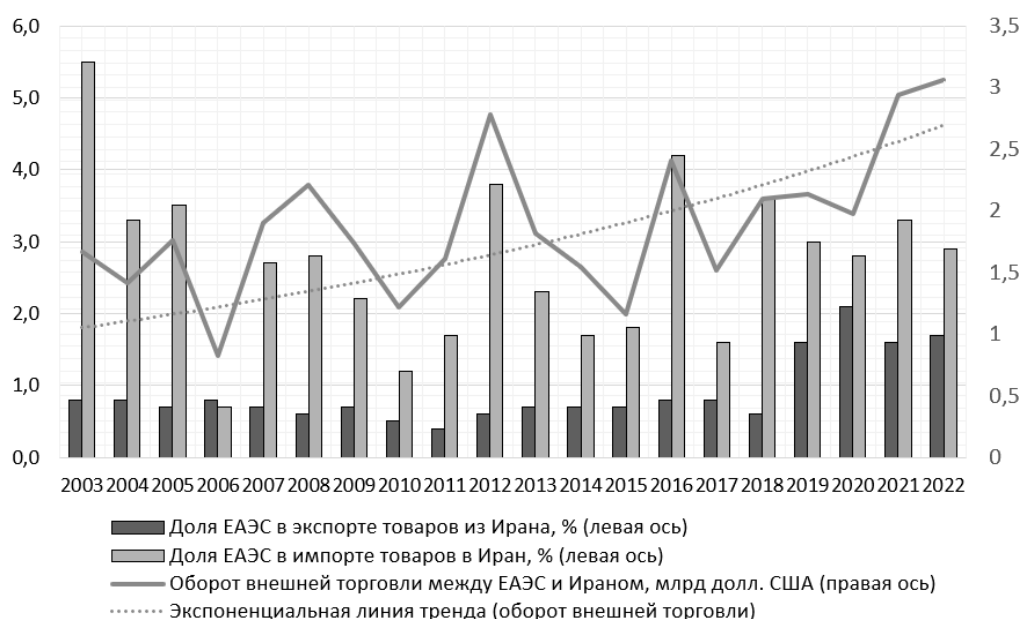

Рис. 1. Доля ЕАЭС и Ирана в торговом обороте партнера (в %)

По состоянию на 2022 г. наибольшая доля в товарообороте между ЕАЭС и Ираном приходится на торговлю с Российской Федерацией, за которой следуют Армения, Казахстан, Киргизия и Беларусь (рис. 2).

Объем торговли между Россией и Ираном составил 2,22 млрд долларов, Армении – 0,38 млрд долларов, Казахстана – 0,34 млрд долларов, Киргизии – 0,08 млрд долларов, Беларуси – 0,05 млрд долларов. В течение рассматриваемого периода наибольшей волатильностью обладал объем торговли между Россией и Ираном, а учитывая долю российско-иранской торговли в совокупном товарообороте, именно она вносила наибольший вклад в изменчивость данного показателя. При этом данные о товарообороте позволяют предположить, что крупнейшими бенефициарами за-

ключения Временного соглашения стали Россия, Армения и Казахстан, объем торговли которых с Ираном вырос наиболее значительно.

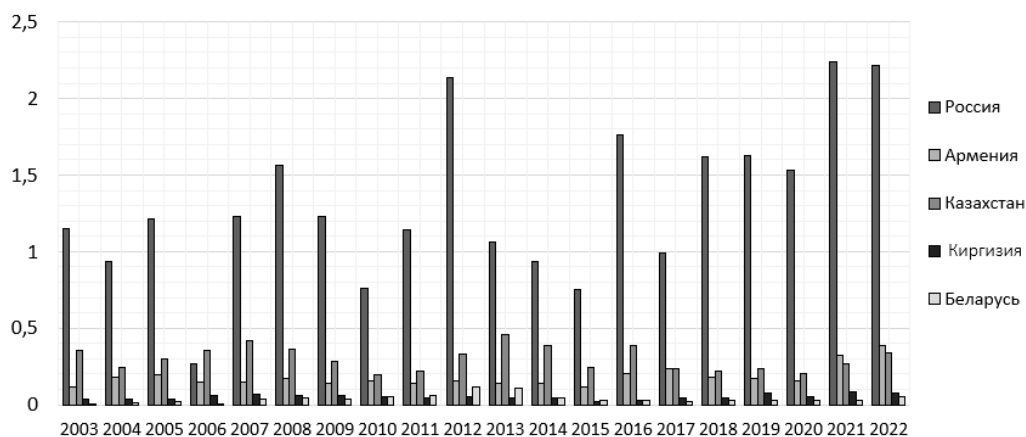

Рис. 2. Оборот внешней торговли между странами ЕАЭС и Ираном (в млрд долл.)

Данные таможенной статистики стран, входящих в ЕАЭС, указывают на высокую волатильность стоимостного объема экспорта товаров из стран Союза в Иран. Как показано на рис. 3, в 2004–2007 гг. объем экспорта рос быстрыми темпами, увеличившись за этот период более чем в два раза.

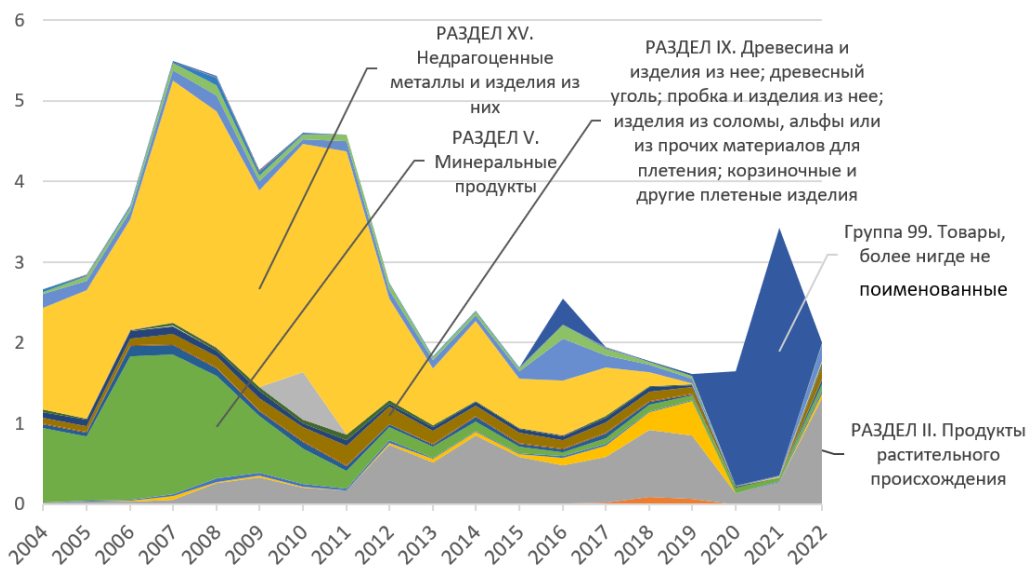

Рис. 3. Структура экспорта товаров из ЕАЭС в Иран (в млрд долл.)

В 2007 г. объем экспорта товаров достиг наивысшего уровня за весь рассматриваемый период – 5,5 млрд долларов. Однако начиная с 2007 г. в объеме экспорта стал преобладать нисходящий тренд, и к 2019 г. объем экспорта достиг наименьшего значения с 2004 г., упав до 1,6 млрд долларов. В 2020–2022 гг. стоимостный объем экспорта несколько вырос, достигнув в 2021 г. максимума с 2012 г. – 3,4 млрд долларов, однако в 2022 г. снова вернулся к более низким показателям, составив всего 2,0 млрд долларов¹.

На протяжении рассматриваемого периода структура экспорта товаров из ЕАЭС в Иран претерпела сильные изменения. Перемены в структуре товарного потока можно оценить, рассмотрев его состав с пятилетними интервалами с 2007 по 2022 г., по данным Таможенной администрации Ирана (IRICA)².

Так, в 2007 г. в структуре экспорта из ЕАЭС в Иран преобладали товары, входящие в раздел XV ТН ВЭД (недрагоценные металлы и изделия из них), которые обеспечивали 54,70% товарного потока. При этом 98,4% экспорта металлов составляла продукция черной металлургии (группы 72 и 73 ТН ВЭД). Еще 31,6% экспорта приходилось на минеральные продукты (раздел V ТН ВЭД). Продукция лесопромышленного комплекса и целлюлозно-бумажной промышленности (древесина, изделия из нее, древесная масса, бумага, картон и тому подобные товары), входящие в разделы IX и X ТН ВЭД, составляли в совокупности 4,14% экспорта товаров из ЕАЭС в Иран. За ними следовали машины, оборудование и механизмы (раздел XVI ТН ВЭД) и продукция химической и связанных с ней отраслей промышленности (раздел VI), которые составляли 2,33% и 2,24% экспортного товаропотока соответственно. Еще 1,6% экспорта приходилось на поставки транспортных средств и связанного оборудования (раздел XVII ТН ВЭД).

К 2012 г. в структуре экспорта по-прежнему преобладали черные металлы (раздел XV, группы 72 и 73 ТН ВЭД), но доля металлов в торговом потоке сократилась с 54,7 до 46%.

При этом активизировалась торговля продукцией агропромышленного комплекса. Доля экспорта продуктов растительного происхождения, входящих в раздел II ТН ВЭД, возросла с 0,87% до 26,52%, немного увеличилась доля в совокупном экспорте жиров и масел растительного и животного происхождения (раздел III), а также готовых пищевых продуктов (раздел IV ТН ВЭД), однако доли каждой из этих товарных групп в экспорте составили лишь по 1%. Доля продукции лесопромышленного комплекса и деревообработки (раздел IX) возросла с 2,34% до 7,60%, а доля продукции целлюлозно-бумажной промышленности осталась практически неизменной, лишь немного уменьшившись с 1,80% до 1,63%. Мине-

¹ URL: <http://www.trademap.org/> (дата обращения: 19.04.2024).

² The Islamic Republic of Iran Customs Administration. URL: <https://www.irica.gov.ir> (дата обращения: 17.04.2024).

ральные продукты, входящие в раздел V ТН ВЭД, утратили свои позиции как в структуре экспорта товаров, так и на иранском рынке: их доля сократилась с 31,6% до 6,2%, а стоимость поставленного товара снизилась более чем в 10 раз – с 1,73 млрд долларов в 2007 г. до 0,168 млрд долларов в 2012 г.

В 2017 г. структура экспортного товаропотока достигла наивысшего уровня диверсификации за рассматриваемый период. Доля товаров, входящих в раздел XV (недрагоценные металлы и изделия из них), все еще оставалась наивысшей, но претерпела значительное сокращение, упав до 30,9%.

Продолжила расти доля продукции аграрной промышленности: товары, входящие в раздел II (продукты растительного происхождения), составили 28,7% экспортного товаропотока, а продукция раздела III (жиры и масла животного, растительного или микробиологического происхождения...) обеспечила 7,5% экспорта.

Доля товаров, входящих в раздел XVI ТН ВЭД (машины, оборудование и механизмы; электротехническое оборудование; их части), также возросла – в 2017 г. на них пришлось 7,3% стоимостного объема экспорта товаров из ЕАЭС в Иран, в то время как в 2012 г. – только 3,8% экспорта. Доля продукции лесопромышленного комплекса (раздел IX ТН ВЭД) немного снизилась, составив 6,8% экспорта, в то время как доля продукции целлюлозно-бумажной промышленности (раздел X) выросла с 1,6% до 3,0%. С 2,8% до 4,6% выросла доля в экспорте транспортных средств и сопутствующей продукции (раздел XVII ТН ВЭД), а минеральные продукты из ЕАЭС продолжили утрачивать позиции на рынке Ирана: их доля упала с 6,2% в 2012 г. до 3,6% в 2017 г.

К 2022 г. продукция растительного происхождения заняла первое место в структуре экспорта товаров из ЕАЭС в Иран, сформировав 65,5% товарного потока. На второе место вышла продукция раздела XVI ТН ВЭД (машины, оборудование и механизмы; электротехническое оборудование; их части...). Доля этих товаров возросла с 7,3% в 2017 г. до 9,8% в 2022 г. Доля продукции, входящей в раздел IX (древесина и изделия из нее...), практически не изменилась за 5 лет, увеличившись лишь на одну десятую процентного пункта с 6,8 до 6,9%. Доля минеральных продуктов также осталась практически неизменной, увеличившись с 2017 по 2022 г. на 4 процентных пункта – с 3,6% до 4,0%. Жиры и масла животного, растительного или микробиологического происхождения (раздел III ТН ВЭД) утратили свое место в структуре экспорта товаров из ЕАЭС в Иран: доля этой товарной группы опустилась с 7,5% до 2,7%. Недрагоценные металлы и изделия из них (раздел XV) также утратили свою долю в структуре экспорта из ЕАЭС в Иран, обеспечив лишь 1,6% товаропотока в 2022 г., в то время как в 2017 г. их доля составляла 30,9%.

На протяжении рассматриваемого периода структура экспорта из ЕАЭС в Иран претерпела значительные изменения, которые можно охарактеризовать как деградацию. Ранее успешно экспортировавшиеся из ЕАЭС в Иран минеральные продукты и продукция черной металлургии утратили свое место на рынке этой страны. Это обусловлено рядом факторов, которые оказывают влияние на внешнеторговое сотрудничество Ирана со странами – участниками ЕАЭС.

Во-первых, Иран проводит политику так называемой экономики сопротивления, которая подразумевает защиту внутреннего рынка и стремление к полному самообеспечению товарами ключевых отраслей экономики [2; 16]. В рамках этой доктрины власти Ирана ввели запрет на импорт многих товаров, аналоги которых производятся в стране [13]. Это привело к значительному сокращению спроса на продукцию черной металлургии и другие промышленные товары из ЕАЭС, поскольку иранские производители стали активно заполнять внутренний рынок собственной продукцией.

Во-вторых, санкции наносят серьезный ущерб внешней торговле Ирана посредством изоляции страны от мировой финансово-банковской системы [10]. Иранские банки отключены от системы SWIFT, а многие транснациональные банки отказываются проводить расчеты с иранскими лицами, ссылаясь на вторичные санкции [6; 9]. Финансовые ограничения приводят к хронической нехватке иностранной валюты на иранском рынке, что затрудняет проведение международных торговых операций и снижает привлекательность иранского рынка для экспортеров из ЕАЭС [11].

Кроме того, ограничение на использование основных резервных валют ослабляет позиции стран ЕАЭС на иранском рынке и усиливает позиции Китая. Стремясь сделать юань новой резервной валютой, Китай предпринимает попытки расширить ареал его использования для международных расчетов, в том числе в тех юрисдикциях, где доступ к традиционным средствам международных расчетов затруднен [8]. В то же время в Иране имеется серьезный дефицит финансовых инструментов для торговли с Россией, который проявляется в проблемах с открытием аккредитивов или банковских гарантий в рублях. Эта проблема постепенно находит решение благодаря появлению в Иране филиалов российских банков и подключению иранской системы обмена финансовыми сообщениями SEPAM к Системе передачи финансовых сообщений (СПФС) российского Центрального банка, что в будущем должно дать возможность развивать торговлю в российских рублях и иранских риалах [4]. Тем не менее слабая связанность финансовых систем создает дополнительные барьеры для экспорта из ЕАЭС и способствует усилению экономического влияния Китая в регионе.

Таким образом, внешнеторговое сотрудничество между Ираном и странами ЕАЭС сталкивается с множеством вызовов, которые требуют

комплексного подхода для их преодоления. Необходимы в первую очередь новые механизмы финансовых расчетов, а также дальнейшие меры по устранению торговых барьеров. Следует отметить, что эффективные шаги по устранению барьеров принимаются в рамках заключения Соглашения о свободной торговле между ЕАЭС и Ираном [3].

Как видно на рис. 4, в течение рассматриваемого периода с 2003 по 2022 г. стоимостный объем импорта товаров из Ирана в ЕАЭС имел в основном положительную динамику. В течение 2003–2012 гг. импорт товаров из Ирана в страны ЕАЭС стабильно рос, увеличившись за этот период более чем в 3 раза – с 0,267 млрд долларов до 0,806 млрд долларов. В период с 2013 по 2015 г. импорт иранских товаров в ЕАЭС заметно снизился – до 0,439 млрд долларов в 2015 г., однако с 2016 г. преобладал восходящий тренд, а объем импорта рос практически непрерывно: стоимость импорта иранских товаров в страны ЕАЭС в 2022 г. достигала 1,34 млрд долларов. Следует отметить, что на протяжении всего рассматриваемого периода наблюдался профицит торгового баланса в торговле с Ираном в пользу ЕАЭС.

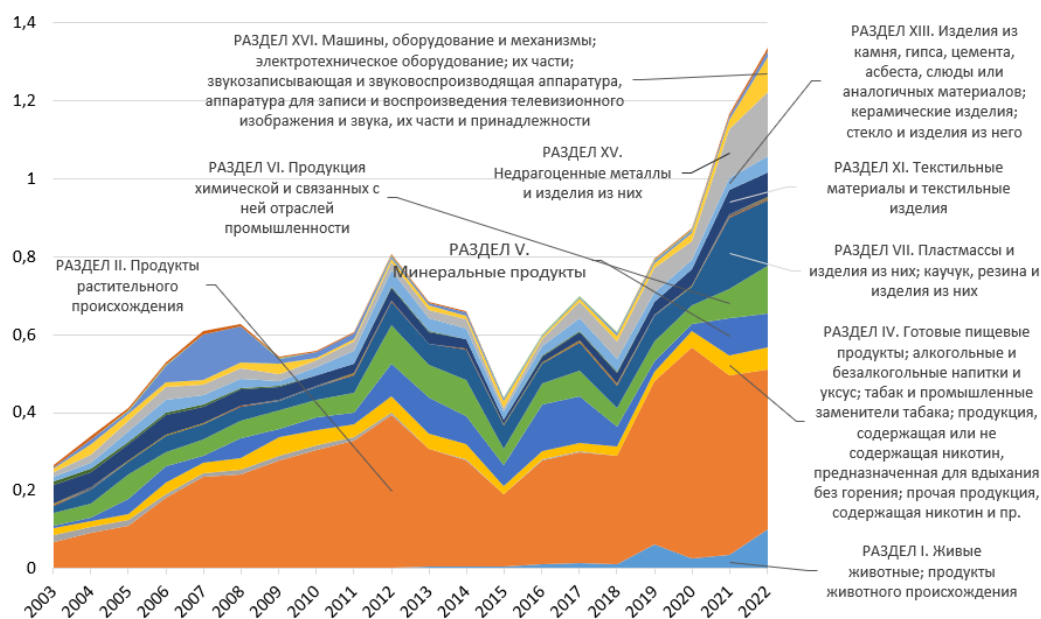

Рис. 4. Структура импорта товаров из Ирана в ЕАЭС (в млрд долл.)

Структура импорта товаров из Ирана в ЕАЭС оставалась с 2003 по 2022 г. относительно однородной. Больше всего изменился абсолютный объем торговли товарами, входящими в раздел II ТН ВЭД (продукты растительного происхождения). Доля этой продукции была наибольшей в

структуре импорта иранских товаров в ЕАЭС в течение всего рассматриваемого периода.

При этом в последние годы наблюдаются заметные изменения в структуре товаропотока. Степень этих изменений можно оценить, сравнив данные за 2017 г., когда был достигнут предыдущий пик импорта иранских товаров в ЕАЭС, с последними доступными данными 2022 г.

В 2017 г. на продукты растительного происхождения (раздел II ТН ВЭД) пришлось 40,5% импорта иранских товаров в ЕАЭС, что, как отмечалось выше, составляло наибольшую долю в импортном товаропотоке. Следом шли минеральные продукты (раздел V ТН ВЭД), доля которых составляла 17,1%. Пластмассы, каучук, резина и изделия из них (раздел VII ТН ВЭД) обеспечили в 2017 г. 10,3% импорта. Продукция химической и связанных с ней отраслей промышленности составила 9,2% импорта, 6,1% пришлось на импорт недргоценных металлов и изделий из них (входят в раздел XV ТН ВЭД). Значительную долю составил импорт товаров легкой промышленности. Керамика и стекло, изделия из камня, гипса, цемента, асбеста, слюды или аналогичных материалов (раздел XIII ТН ВЭД) обеспечили в 2017 г. 4,7% импорта товаров из Ирана, а текстильные материалы и изделия из них – 3,3%. Импорт продукции пищевой промышленности (раздел IV) составил 3,3% от импорта иранских товаров.

С 2017 по 2022 г. объем импорта товаров из Ирана в ЕАЭС вырос в 1,9 раза, а структура товарного потока стала значительно более диверсифицированной.

Доля продукции аграрного комплекса в структуре импорта иранских товаров снизилась при росте разнообразия импортируемых товаров. На продукты растительного происхождения (раздел II ТН ВЭД) пришлось 30,7% импорта – почти на 10 процентных пунктов меньше, чем в 2022 г., при этом доля живых животных и продуктов животного происхождения, входящих в раздел I ТН ВЭД, возросла с 1,9 до 7,7%. Второй по объему импорта товарной группой стали пластмассы, каучук, резина и изделия из них (раздел VII), доля которых возросла с 10,3% в 2017 г. до 12,7% в 2022 г. Недрагоценные металлы и изделия из них (раздел XV) в 2022 г. составили 12,4% импорта против 6,1% в 2017 г. Доля продукции химической и связанных с ней отраслей промышленности (раздел VI) осталась практически неизменной, составив в 2022 г. все те же 9,2%.

Значительно возросла за пять лет доля продукции, входящей в раздел XVI ТН ВЭД (машины, оборудование и механизмы; электротехническое оборудование; их части...), увеличившись с 1,3% до 6,8%, что внесло значимый вклад в диверсификацию импортного товарного потока. Частично утратили позиции в импорте минеральные продукты, входящие в раздел V ТН ВЭД, доля которых сократилась с 17,1% в 2017 г. до 6,3% в 2022 г. За пятилетний период произошло также абсолютное снижение стоимостного объема поставок этой продукции из Ирана со 120 до 85 млн

долларов. Текстильные материалы и текстильные изделия (раздел XI) нарастили долю в структуре импорта с 3,3% до 4,6%, как и продукция пищевой промышленности, входящая в раздел IV, доля которой выросла с 3,3% до 4,3%.

Таким образом, с 2018 г. объем импорта из Ирана в страны ЕАЭС демонстрирует устойчивый рост. Эту тенденцию можно объяснить несколькими факторами, среди которых ключевое место занимает нарастающее экономическое и санкционное давление на Россию, ее союзников по ЕАЭС и Иран. В условиях санкций обе стороны стремятся диверсифицировать свои источники поставок и направления сбыта продукции, чтобы повысить экономическую безопасность. В результате этого стремления наблюдается не только увеличение общего объема импорта, но и рост диверсификации импортного товарного потока из Ирана в страны ЕАЭС.

Наибольшую долю в структуре поставок из Ирана в страны ЕАЭС по-прежнему занимает продукция агропромышленного комплекса. Успех иранской агропромышленной продукции на рынке ЕАЭС частично объясняется санкциями, введенными против России многими западными странами [7]. Ограниченная конкуренция на российском рынке, закрытом для импорта сельскохозяйственных товаров из стран, поддерживающих санкции, создает благоприятные условия для роста сотрудничества с альтернативными поставщиками, такими как Иран [5]. Это позволяет иранским агропромышленным предприятиям успешно заполнять возникшие ниши и укреплять свои позиции на рынке ЕАЭС, в частности, в России, как в крупнейшей экономике Союза, на которую приходится наибольшая доля товаропотока.

При этом следует отметить, что продукция других отраслей иранской экономики недостаточно конкурентоспособна на внешних рынках, включая рынок стран ЕАЭС. Это связано с проводимой иранскими властями упоминавшейся выше политикой экономики сопротивления, направленной на защиту внутреннего рынка и приложением максимальных усилий по самообеспечению важнейшей промышленной продукцией [15]. Закрытость внутреннего рынка и отсутствие конкуренции с международными компаниями в области промышленности приводят к технологической отсталости иранских промышленных предприятий и их неспособности конкурировать на внешних рынках [7]. В результате, несмотря на рост общего объема импорта и диверсификацию товарного потока, иранская промышленная продукция остается неконкурентоспособной на международной арене.

Для анализа положения российских товаров и перспектив развития экспорта различных товарных групп рассмотрим данные об импорте Ирана и экспорте ЕАЭС за 2022 г. в соответствии с четырехзначными кодами гармонизированной системы, а также о торговом балансе стран по

каждой товарной группе. Анализ позволит продемонстрировать области комплементарности экспортного профиля ЕАЭС и структуры иранского импорта, оценить, насколько реализован потенциал торговли в отдельных отраслях и выявить отрасли и товарные группы, развитие экспорта которых может стать приоритетом в краткосрочной и среднесрочной перспективе, особенно в контексте заключения Соглашения о зоне свободной торговли между ЕАЭС и Ираном.

Иран является крупным импортером, а ЕАЭС – одним из крупнейших в мире экспортеров продукции первичного сектора экономики, в том числе продукции растениеводства, животноводства, жиров и масел животного и растительного происхождения. Эти товары входят в разделы I–III товарной номенклатуры ВЭД ЕАЭС и составляют основу товарооборота между ЕАЭС и Ираном. Данные таможенной статистики показывают, что доля продукции из ЕАЭС в импорте в Иран многих видов товаров аграрного сектора довольно высока и достигает 10–40% в некоторых категориях. Например, импорт в Иран пшеницы (ТН ВЭД 1001) составил более 3,44 млрд долларов в 2022 г. В то же время чистый экспорт этого товара из ЕАЭС составил более 9,95 млрд долларов; это 4,55% иранского (чистого) импорта пшеницы, а доля продукции из ЕАЭС в иранском импорте составила 39,7%¹.

Еще одной крупной статьей иранского импорта является ячмень (ТН ВЭД 1003), импорт которого в 2022 г. осуществлен на сумму 791 млн долларов, в то время как нетто-экспорт ячменя из ЕАЭС составил 758 млн долларов, а отношение чистого импорта в Иран к чистому экспорту из ЕАЭС – 96%. На продукцию из ЕАЭС также приходится большая доля иранского импорта ячменя (8,4% в 2022 г.).

Иран также импортирует продукцию по ТН ВЭД 0713 (овощи бобовые). В 2022 г. чистый импорт этих товаров в Иран составил 311 млн долларов, чистый экспорт из ЕАЭС – 798 млн долларов, а соотношение этих показателей – 257%. При этом доля продукции, происходящей из стран ЕАЭС, в иранском импорте составила 10,8%.

Иран также является крупным импортером подсолнечного масла (ТН ВЭД 1512), в то время как ЕАЭС – нетто-экспортером этого вида продукции. Отношение чистого экспорта подсолнечного масла (ТН ВЭД 1512) из ЕАЭС к чистому импорту в Иран в 2022 г. составило 297%. При этом доля продукции, происходящей из ЕАЭС, в иранском импорте подсолнечного масла составила в 2022 г. всего 3,95%.

В аграрном секторе существует множество других областей комплементарности между экспортом из стран ЕАЭС и импортом в Иран, в частности:

¹ URL: <http://www.trademap.org/> (дата обращения: 19.04.2024).

- ТН ВЭД 2304 – Жмыхи и другие твердые отходы, получаемые при извлечении соевого масла, немолотые или молотые;
- ТН ВЭД 0207 – Мясо и пищевые субпродукты домашней птицы, свежие, охлажденные или замороженные;
- ТН ВЭД 1207 – Семена и плоды масличных культур, в другом месте не поименованные или не включенные, дробленые или недробленые;
- ТН ВЭД 1514 – Масло рапсовое, сурепное или горчичное и т. д., без изменения химического состава.

Данные об иранском импорте свидетельствуют о наличии спроса на эти и другие виды аграрной продукции. При этом ЕАЭС является нетто-экспортером этих товаров, однако доля продукции, происходящей из ЕАЭС, в иранском импорте этих и многих других продуктов аграрного сектора экономики чрезвычайно мала и составляет от 0 до 1,5%. Учитывая крупный экспортный потенциал ЕАЭС и высокую потребность иранского рынка в этой продукции, такая небольшая доля поставок из ЕАЭС на рынке Ирана указывает на нереализованный потенциал торговли этим видом товаров [12].

Данные таможенной статистики также указывают на то, что одной из зон комплиментарности в торговле между ЕАЭС и Ираном являются каменный уголь и кокс (ТН ВЭД 2701 и 2704). Активно развивающаяся в Иране черная металлургия, крупнейший потребитель каменного угля и кокса, предъявляет динамично растущий спрос на этот товар, дефицит которого на внутреннем рынке компенсируется импортом из стран-партнеров. Импорт кокса и каменного угля в Иран составил в 2022 г. 478,1 и 365,2 млн долларов соответственно, при этом соотношение чистого импорта в Иран к чистому экспорту из ЕАЭС по товарной позиции 2704 (кокс и т. д. из каменного угля, лигнита или торфа; уголь ретортный) составило 148%, а по товарной позиции 2701 (уголь каменный, брикеты, окатыши и т. д., полученные из каменного угля) – 13 011%. При этом угольная продукция, происходящая из ЕАЭС, не занимает на рынке Ирана весомое положение: доля ЕАЭС в иранском импорте кокса в 2022 г. составила лишь 0,88%, а в импорте каменного угля – 0,62%.

Несмотря на быстрое развитие черной металлургии, Иран является нетто-импортером целого ряда металлургических товаров, экспорт которых из ЕАЭС находится на довольно высоком уровне. В число крупных статей иранского импорта входят следующие товарные позиции:

- 7202 – Ферросплавы;
- 7304 – Трубы, трубки и т. д., бесшовные, из черных металлов;
- 7210 – Прокат плоский из железа или нелегированной стали шириной 600 мм или более, плакированный и т. д.;
- 7225 – Прокат плоский из прочей легированной стали, шириной 600 мм или более;

– 7209 – Прокат плоский из железа или нелегированной стали шириной 600 мм или более, холоднокатаный, неплакированный.

ЕАЭС является нетто-экспортером всех указанных видов продукции, причем по некоторым из них чистый экспорт из ЕАЭС в разы превышает чистый импорт Ирана. Однако производителям из ЕАЭС не удастся завоевать значительную долю иранского рынка изделий черной металлургии. Несмотря на то что импорт в Иран ферросплавов в 2022 г., составил более 544,4 млн долларов, а чистый экспорт этой продукции из ЕАЭС – более 4,7 млрд долларов, на продукцию, происходящую из стран ЕАЭС, пришлось всего 0,76% иранского импорта ферросплавов. Несколько лучше на иранском рынке представлена продукция, соответствующая кодам ТН ВЭД 7209 и 7304 – Плоский прокат из нелегированной стали и бесшовные трубы. Тем не менее доля ЕАЭС в иранском импорте этих товаров довольно мала – в 2022 г. 1,94% и 3,48% соответственно. При этом прочие перечисленные выше продукты черной металлургии вообще не представлены на рынке Ирана, хотя данные об импорте указывают на наличие платежеспособного спроса на эти виды продукции.

Иран также является нетто-импортером продукции целлюлозно-бумажной промышленности, крупным экспортером которой является ЕАЭС. В частности, в 2022 г. Иран импортировал целлюлозу (ТН ВЭД 4703) на сумму 271,4 млн долларов, бумагу и картон (ТН ВЭД 4801, 4802, 4804 и 4805) – на общую сумму 407,4 млн долларов. При этом продукция, происходящая из ЕАЭС, составила заметную долю импорта в Иран некоторых товаров целлюлозно-бумажной промышленности, например, доля продукции из ЕАЭС в импорте в Иран бумаги газетной в рулонах и листах (4801) составила 63,1%, а крафт-бумаги и крафт-картона, немелованных... (4804) – 12%. Необходимо отметить, что по большинству товарных позиций целлюлозно-бумажной промышленности сотрудничество между ЕАЭС и Ираном пока не достигло больших объемов, а доля этих товаров из ЕАЭС в иранском импорте колеблется от 0 до 2%.

В области экспорта продукции лесной промышленности, пиломатериалов и продукции деревообработки сотрудничество между ЕАЭС и Ираном находится на высоком уровне. ЕАЭС является нетто-экспортером, а Иран – нетто-импортером широкого спектра продукции лесного комплекса, в числе которых

- 4411 – Плиты древесноволокнистые из древесины или других одревесневших материалов;
- 4407 – Лесоматериалы, распиленные или расколотые вдоль, распущенные на доски и т. д. толщиной более 6 мм;
- 4412 – Фанера клееная, панели фанерные и аналогичные материалы из слоистой древесины;
- 4408 – Листы фанеры и т. д. толщиной не более 6 мм.

При этом доля продукции из ЕАЭС в импорте в Иран фанеры (4412) составила в 2022 г. 63,8%, а лесоматериалов (4407) – 65,6%. Успех этой категории товаров на рынке Ирана можно объяснить отсутствием конкурентов, сопоставимых с ЕАЭС как с точки зрения объемов производства продукции лесного комплекса, так и с точки зрения логистических возможностей поставок.

Существуют также и другие зоны комплиментарности внешнеторговых профилей ЕАЭС и Ирана: имеется потенциал поставок хлопка, каучука и иной продукции химической промышленности, удобрений, продукции из цветных металлов. Товарными позициями с самым крупным потенциалом импорта в Иран в этих отраслях являются:

- 5201 – Волокно хлопковое, не подвергнутое кардо- или гребнечесанию;
- 3103 – Минеральные или химические удобрения, фосфатные;
- 7606 – Плиты, листы и ленты из алюминия толщиной более 2 мм;
- 4002 – Каучук синтетический и фактис, полученный из масел, в первичных формах и т. д., смеси природного каучука или резин с синтетическим каучуком или фактисом, в первичных формах и т. д.;
- 2916 – Кислоты ациклические монокарбоновые ненасыщенные, кислоты циклические монокарбоновые и их ангидриды и т. д.;
- 3105 – Минеральные или химические удобрения, содержащие два или три питательных элемента, удобрения, в другом месте не поименованные или не включенные, удобрения в упаковках;
- 3908 – Полиамиды в первичных формах.

Несмотря на наличие потенциала внешней торговли этими товарами, их доля в иранском импорте из стран ЕАЭС не превышала 1%. Исключение – хлопковое волокно: доля продукции из ЕАЭС в импорте в Иран хлопка (ТН ВЭД 5201) составила 3,89%.

Заключение

На протяжении исследуемого периода структура экспорта из стран Евразийского экономического союза в Иран претерпела значительные изменения, которые можно охарактеризовать как деградацию. Ранее успешно экспортируемые минеральные продукты и продукция черной металлургии из ЕАЭС утратили свои позиции на иранском рынке.

Причиной этого является в значительной степени проводимая иранскими властями политика экономики сопротивления, которая предполагает защиту внутреннего рынка и стремление к самообеспечению промышленными товарами. В рамках экономики сопротивления введен запрет на импорт в Иран товаров, аналоги которых производятся внутри страны. Это привело к значительному сокращению спроса на продукцию черной металлургии и другие промышленные товары из ЕАЭС, поскольку

ку иранские производители стали активно заполнять внутренний рынок собственной продукцией.

Кроме того, санкции оказывают негативное влияние на внешнюю торговлю Ирана, изолируя страну от мировой финансово-банковской системы. Отключение иранских банков от системы SWIFT и отказ многих транснациональных банков проводить расчеты с иранскими лицами из-за вторичных санкций привели к хронической нехватке иностранной валюты на иранском рынке. Это затрудняет проведение международных торговых операций и снижает привлекательность иранского рынка для экспортеров из ЕАЭС. Кроме того, ограничения на использование основных резервных валют ослабляют позиции стран ЕАЭС на иранском рынке и усиливают позиции Китая. В Иране наблюдается серьезный дефицит финансовых инструментов для торговли с Россией, что проявляется в проблемах с открытием аккредитивов или банковских гарантий в рублях.

Таким образом, изменения в структуре экспорта из ЕАЭС в Иран обусловлены как внутренними экономическими мерами Ирана, так и внешними санкционными ограничениями. Эти факторы в совокупности создают сложные условия для экспортеров из ЕАЭС, что требует разработки новых стратегий и адаптационных мер для поддержания и развития торговых отношений с Ираном.

Вместе с тем с 2018 г. объем импорта из Ирана в страны Евразийского экономического союза демонстрирует устойчивую тенденцию к росту из-за нарастающего санкционного давления на Россию, ее союзников по ЕАЭС и Иран. В условиях санкций стороны стремятся диверсифицировать свои источники поставок и направления сбыта продукции, чтобы повысить свою экономическую безопасность. Такое стремление привело не только к увеличению общего объема импорта, но и к росту диверсификации импортного товарного потока из Ирана в страны ЕАЭС.

Наибольшую долю в структуре поставок из Ирана в страны ЕАЭС по-прежнему занимает продукция агропромышленного комплекса. Это частично объясняется санкциями, введенными против России многими западными странами. Ограниченная конкуренция на российском рынке, закрытом для импорта сельскохозяйственных товаров из стран, поддерживающих санкции, создает благоприятные условия для роста сотрудничества с альтернативными поставщиками, такими как Иран. Иранские агропромышленные предприятия успешно заполняют возникшие ниши и укрепляют свои позиции на рынке ЕАЭС, в частности, в России как в крупнейшей экономике Союза, на которую приходится наибольшая доля товаропотока.

Тем не менее продукция других отраслей иранской экономики продолжает демонстрировать слабую конкурентоспособность на внешних рынках, включая рынок стран ЕАЭС. Это связано с протекционистской направленностью упомянутой выше доктрины экономики сопро-

тивления. Закрытость внутреннего рынка и отсутствие международной конкуренции ведут к технологической отсталости иранских промышленных предприятий и их низкой конкурентоспособности.

Динамика импорта из Ирана в страны ЕАЭС отражает сложные экономические и политические реалии, в которых находятся обе стороны. Рост объемов и диверсификация импорта свидетельствуют о стремлении к экономической устойчивости в условиях санкционного давления, однако сохраняющиеся структурные проблемы иранской промышленности ограничивают потенциал дальнейшего расширения экономического сотрудничества.

В то же время существует большой нереализованный потенциал экспорта товаров из стран ЕАЭС в Иран, особенно в таких отраслях, как сельское хозяйство, черная металлургия и деревообрабатывающая и лесная промышленности. Для реализации этого потенциала необходимо прилагать дальнейшие усилия по налаживанию сотрудничества между странами в банковской и финансовой сферах, а также созданию зоны свободной торговли между Ираном и ЕАЭС.

Список литературы

1. *Иванников Н. С., Чулаби Д. Г.* Экономические и политические факторы, влияющие на сближение Ирана и ЕАЭС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2023. – Т. 17. – №. 3 (45). – С. 150–158.
2. *Кожанов Н. А.* Между развитием, ростом и выживанием: о некоторых особенностях модели социально-экономического развития Ирана на современном этапе // Международная аналитика. – 2023. – Т. 14. – №. 1. – С. 72–91.
3. *Колосова М. С.* Зона свободной торговли как основной фактор совместного развития регионов // Управление инновационными и инвестиционными процессами и изменениями в современных условиях : сборник научных трудов по итогам VI международной научно-практической конференции : 2 ч. – Санкт-Петербург, 2023. – С. 54–59.
4. *Крылова Л. В.* Роль корреспондентских отношений в системе трансграничных платежей в условиях цифровизации // Экономика. Налоги. Право. – 2023. – Т. 16. – №. 4. – С. 43–51.
5. *Савинцева С. А.* Анализ агропродовольственного рынка Российской Федерации в условиях экономических санкций и контрсанкционной политики государства // Агропродовольственная политика России. – 2023. – №. 3. – С. 31–48.
6. *Хмелева Г. А.* Вторичные санкции: назначение, последствия и вызовы // Экономические отношения. – 2024. – Т. 14. – №. 1. – С. 11–24.

7. Шахбиева Э. У. Политика импортозамещения в России в условиях санкций и контрсанкций // Возможные сценарии будущего России и мира: междисциплинарный дискурс : сборник научных трудов участников XI Международной Кондратьевской конференции / под ред. В. М. Бондаренко. – М., 2020. – С. 480–485.

8. Alwago W. O. Is the Renminbi a Global Currency in the Making? Globalization of Digital yuan // Pénzügyi Szemle/Public Finance Quarterly. – 2022. – Vol. 67. – N. 4. – P. 553–566.

9. Cipriani M., Goldberg L. S., La Spada G. Financial Sanctions, SWIFT, and the Architecture of the International Payment System // Journal of Economic Perspectives. – 2023. – Vol. 37. – N. 1. – P. 31–52.

10. Farzanegan M. R., Batmanghelidj E. Understanding Economic Sanctions on Iran: a survey // The Economists' Voice. – 2024. – Vol. 20. – N. 2. – P. 197–226.

11. Gudarzi Farahani et al. Barrasi-ye erteбат-e beyn-e bohran-e arzi va etebarat-e banki dar Iran ba roykard-e zarayeb-e motaghayyer dar zaman // Pajuheshname-ye Eghtesadi. – 2023. – Vol. 23. – N 88. – P. 87–119.

12. Karimi M., Sharifi L., Torkaman M. Arzyabi-ye Asar-e Eqtesadi-ye Taghyir-e Aqlim bar Bakhsh-e Keshavarzi-ye Ostan-e Fars // Joghrafiya va Barnamerizi-ye Mohiti. – 1400. – Vol. 32. – N 1. – P. 119–136.

13. Markaz-e Pajuheshā-ye Mağles-e Šurā-ye Eslāmī // 16 Qānūn-e Hadāksar Estefāde az Tavān-e Towlidi va Xedmatī-ye Kešvar va Hemāyat az Kālā-ye Īrānī (Mosavvab-e 15 Ordibehešt 1398). – URL: <https://rc.majlis.ir/fa/law/show/1148732> (дата обращения: 01.08.2024).

14. Novikov M. V., Zemlyanskaya S. V. Free Trade Zone Agreements Between the EAEU and Iran: Trends, Problems and Development Prospects // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika. – 2022. – Vol. 24. – N 4. – С. 163–178.

15. Rasekhi S. et al. Trade Potentials of Iran and CIS // Journal of International Marketing Modeling. – 2021. – Vol. 2. – N. 1. – P. 18–30.

16. Sa'adat Mehr M. Barrasi-ye Mavane'-ye Tahaghogh-e Eqtesad-e Moqavemati dar Iran // Motale'at-e Vahdat-e Hoze va Daneshgah. – 1402. – Vol. 1. – N 1. – P. 1–18.

References

1. Ivannikov N. S., Chulabi D. G. Ekonomicheskie i politicheskie faktory, vliyayushchie na sbližhenie Irana i EAES [Economic and Political Factors Influencing the Rapprochement of Iran and the EAEU]. *Evrasiyskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika* [Eurasian Integration: Economics, Law, politics], 2023, Vol. 17, No. 3 (45), pp. 150–158. (In Russ.).

2. Kozhanov N. A. Mezhdunarodnoye razvitiye, rostom i vyzhivaniye: o nekotorykh osobennostyakh modeli sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya

Irana na sovremennom etape [Between Development, Growth and Survival: Some Features of Iran's Socio-Economic Development Model at the Present Stage] *Mezhdunarodnaya analitika* [International Analytics], 2023, Vol. 14, No. 1, pp. 72–91. (In Russ.).

3. Kolosova M. S. Zona svobodnoy trgovli kak osnovnoy faktor sovmestnogo razvitiya regionov [Free Trade Zone as the Main Factor of Joint Development of Regions]. *Upravlenie innovatsionnymi i investitsionnymi protsessami i izmeneniyami v sovremennykh usloviyakh, sbornik nauchnykh trudov po itogam VI mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Management of Innovation and Investment Processes and Changes in Modern Conditions, a Collection of Scientific Papers on the Results of the VI International Scientific and Practical Conference]. In 2 part. Saint-Petersburg, 2023, pp. 54–59. (In Russ.).

4. Krylova L. V. Rol korrespondentskikh otnosheniy v sisteme transgranichnykh platezhey v usloviyakh tsifrovizatsii [The Role of Correspondent Relations in the System of Cross-Border Payments in the Context of Digitalization]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo* [Economy. Taxes. Right], 2023, Vol. 16, No. 4, pp. 43–51. (In Russ.).

5. Savintseva S. A. Analiz agroprodovolstvennogo rynka Rossiyskoy Federatsii v usloviyakh ekonomicheskikh sanktsiy i kontrtsanktsionnoy politiki gosudarstva [Analysis of the Agro-Food Market of the Russian Federation in the Context of Economic Sanctions and Counter-Sanctions Policy of the State]. *Agroprodovolstvennaya politika Rossii* [Agri-Food Policy of Russia], 2023, No. 3, pp. 31–48. (In Russ.).

6. Khmeleva G. A. Vtorichnye sanktsii: naznachenie, posledstviya i vyzovy [Secondary Sanctions: Purpose, Consequences and Challenges]. *Ekonomicheskie otnosheniya* [Economic Relations], 2024, Vol. 14, No. 1, pp. 11–24. (In Russ.).

7. Shakhbieva E. U. Politika importozameshcheniya v Rossii v usloviyakh sanktsiy i kontrtsanktsiy [Import Substitution Policy in Russia in the Context of Sanctions and Counter-Sanctions]. *Vozmozhnye stsensarii budushchego rossii i mira: mezhdistsiplinarnyy diskurs, sbornik nauchnykh trudov uchastnikov XI Mezhdunarodnoy Kondratevskoy konferentsii* [Possible Scenarios for the Future of Russia and the World: Interdisciplinary Discourse, a Collection of Scientific Papers by Participants of the XI International Kondratiev Conference], edited by V. M. Bondarenko. Moscow, 2020, pp. 480–485. (In Russ.).

8. Alwago W. O. Is the Renminbi a Global Currency in the Making? Globalization of Digital yuan. *Pénzügyi Szemle/Public Finance Quarterly*, 2022, Vol. 67, No. 4, pp. 553–566.

9. Cipriani M., Goldberg L. S., La Spada G. Financial Sanctions, SWIFT, and the Architecture of the International Payment System. *Journal of Economic Perspectives*, 2023, Vol. 37, No. 1, pp. 31–52.

10. Farzanegan M. R., Batmanghelidj E. Understanding Economic Sanctions on Iran: a survey. *The Economists' Voice*, 2024, Vol. 20, No. 2, pp. 197–226.
11. Gudarzi Farahani et al. Barrasi-ye ertebat-e beyn-e bohran-e arzi va etebarat-e banki dar Iran ba roykard-e zarayeb-e motaghayyer dar zaman. *Pajuheshname-ye Eghtesadi*, 2023, Vol. 23, No. 88, pp. 87–119.
12. Karimi M., Sharifi L., Torkaman M. Arzyabi-ye Asar-e Eqtesadi-ye Taghyir-e Aqlim bar Bakhsh-e Keshavarzi-ye Ostan-e Fars. *Joghrafiya va Barnamerizi-ye Mohiti*, 1400, Vol. 32, No. 1, pp. 119–136.
13. Markaz-e Pajuheshhā-ye Mağles-e Šurā-ye Eslāmī // 16 Qānūn-e Hadāksar Estefāde az Tavān-e Towlidi va Xedmatī-ye Kešvar va Hemāyat az Kālā-ye Īrānī (Mosavvab-e 15 Ordibehešt 1398). Available at: <https://rc.majlis.ir/fa/law/show/1148732> (accessed 01.08.2024).
14. Novikov M. V., Zemlyanskaya S. V. Free Trade Zone Agreements Between the EAEU and Iran: Trends, Problems and Development Prospects. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika*, 2022, Vol. 24, No. 4, pp. 163–178.
15. Rasekhi S. et al. Trade Potentials of Iran and CIS. *Journal of International Marketing Modeling*. – 2021. – Vol. 2. – N. 1. – P. 18–30.
16. Sa'adat Mehr M. Barrasi-ye Mavane'-ye Tahaghogh-e Eqtesad-e Moqavemati dar Iran, *Motale'at-e Vahdat-e Hoze va Daneshgah*, 1402, Vol. 1, No. 1, pp. 1–18.

Сведения об авторе

Алексей Сергеевич Козырев
аспирант Института стран Азии
и Африки МГУ имени М. В. Ломоносова;
консультант экономического отдела
Торгового представительства Российской
Федерации в Исламской Республике
Иран.
Адрес: ФГБОУ ВО «Московский
государственный университет
имени М. В. Ломоносова», 119991,
Москва, Ленинские горы,
д. 1, строение 46;
Торговое представительство Российской
Федерации в Исламской Республике
Иран. Ул. Памена́р. 366, Тегера́н, Иран.
E-mail: kozyrevmail@mail.ru

Information about the author

Aleksei S. Kozyrev
Post-Graduate Student
of the Institute of Asian and African Studies
of Lomonosov MSU;
Consultant of Economic Department,
Trade Representation of the Russian
Federation in the Islamic Republic of Iran.
Address: Federal State Educational
Institution of Higher Professional
Education Lomonosov Moscow State
University, 46 building, 1 Leninskie gory,
Moscow, 119991, Russian Federation;
Trade Representation of the Russian
Federation in the Islamic Republic of Iran.
Pamenar Street. 366, Tehran, Iran.
E-mail: kozyrevmail@mail.ru